

УДК 1(091), 130.2

DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-55-63

ЛИЧНОСТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В НУЛЕВОЙ ТОЧКЕ БЫТИЯ. «ВИТЕБСКОЕ ВРЕМЯ» М. М. БАХТИНА И К. С. МАЛЕВИЧА

Колесниченко Ю. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Сопоставить философские системы М. М. Бахтина и К. С. Малевича, выявить изоморфизм их основных концептуальных построений.

Процедура и методы. При решении поставленной задачи используются следующие методы: исторический, сравнительного анализа, идеографический, номотетический; процедуры герменевтической интерпретации и философско-психологического портретирования.

Результаты. Проведённый анализ показал, что ранняя философия Бахтина и Малевича относится к культурному полю «Витебское время» – особому философско-культурологическому феномену (хронотопу) развития и измерения отечественной философии личности в ранние 1920-е гг.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования заявляют о попытке переосмысления исторической периодизации и классификации раннего философского наследия Бахтина и Малевича на основе хронотопической парадигмы – исторического, ценностно-смыслового – понимания культурных феноменов.

Ключевые слова: хронотоп, философия личности, авангард, Витебское время

PERSON AND RESPONSIBILITY AT THE ZERO POINT OF BEING. THE “VITEBSK TIME” OF M. BAKHTIN AND K. MALEVICH

Y. Kolesnichenko

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy ul. Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract.

Aim. To compare the philosophical systems of M. Bakhtin and K. Malevich, identifying the isomorphism of their basic conceptual constructions.

Methodology. In solving the research problem, historical, ideographic, nomothetic, comparative analysis methods are used; hermeneutic interpretation and psycho-philosophical portraiture procedures are applied.

Results. The respective analysis shows that Bakhtin and Malevich's early philosophy refers to the special cultural field the “Vitebsk time” as a special philosophical and cultural phenomenon (the chronotope) of the development of the national philosophy of the early 1920-s.

Research implications. The results of the study demonstrate an attempt to rethink the principle of the historical periodization and classification of the early philosophical heritage of Bakhtin and Malevich using the chronotop paradigm – historical, value-semantic understanding of the cultural phenomena.

Keywords: chronotope, philosophy of personality, avant-garde, the Vitebsk time

Введение

1920-е гг. раннесоветской власти – особое *герменевтическое измерение* отечественной, шире, мировой культуры XX в. 1920–1930-е гг. есть, в более широком, философском смысле, период глубинной трансформации всех социальных смыслов, период кардинальной смены исторической парадигмы эпохи, переход к массовости как основе жизненного бытия личности.

Лиминальное состояние есть неотъемлемый элемент парадигмы переходности, или трансгрессии, означающий пороговое состояние между двумя равновесными идентичностями, т. е. является собственно феноменом перехода от одной идентичности, устойчивой равновесной структуры (качества), к другой.

Эпоха межвоенного времени, или Интербеллум, есть эпоха трансгрессивная и потому непрозрачная в смысловом аспекте, содержательном смысле. Смыслы и содержания становящейся эпохи только пытались состояться, выкристаллизовывались из старых, побеждали в борьбе с новыми, но менее жизнестойкими, смыслами. Смена *смыслоряда* была столь стремительна в те годы, что разложить на компоненты значения, смысла и содержания ту эпоху в определенческом отношении получится, лишь насильственно *обездвижив* её в терминологическом плане. Тем не менее с целью проведения нашего исследования мы попытаемся это сделать, применяя максимально щадящие герменевтические процедуры [10]. Герменевтика *процесса*, взятая в статике академического исследовательского Слова, есть всегда квази-смысл и квази-истина, которую тем не менее придётся принять как единственно возможный вариант приближения к смыслу, поскольку смысл как процесс впоследствии превращается в историческом исследовании в статику энциклопедического значения [1]. Значения каждый раз однозначного для каждого текста эпохи. Внутри же самой эпохи, в 1920-е гг., это были живые значения-знаки-символы, грозившиеся, вздымавшиеся друг на

друга, взаимно отменявшие и вновь утверждавшие друг друга на базе ветвящейся смысловой полифуркации (термин К. С. Кагана).

Классическая метафизика, предполагающая два *слоя* бытия, – объективный и субъективный – противопоставляя и увязывая их между собой, тем не менее, архитектурно, *ветхозаветно* подчиняет субъективный слой бытия объективному [4]. Креационистская мета-подложка онтологического видения очевидна, она сменяется иным видением бытия в момент обрушения креационизма как религиозной, элитарной картины мира в начале XX в. Метафизика стала *личностноцентристской*, «встала» на иное своё не-креационистское, не причинно / следственное, но *жизненное* начало. Бытие теперь разворачивается *из* человека, точнее, из активности, творческой самодеятельности (С. Л. Рубинштейн) самой личности. Надобность в противопоставлении объекта субъекту и причинно-следственном соподчинении этих онтогносеологических *слоёв* бытия отмерла. Трансцендентного больше нет, равно как нет и трансцендентального. Есть одно, и оно есть личность. Личность – основа, исход и точка схождения поновому понимаемого бытия. В момент революционного излома, исторической трансгрессии – тотального исчезновения объективного бытия – у человека появляется настоятельная потребность *позволить себе свою личность как Абсолют*, как новую точку отсчёта в бытии. Стяживающей точкой человечества становится общепризнанная мера *ответственного поступка* [9].

Встреча Малевича и Бахтина – эпохальный смысл события

Известное биографическое событие – «витебская» дружба двух великих представителей мировой культуры – М. М. Бахтина и К. С. Малевича – продолжает волновать умы историков белорусской и русской философии, культурологов

всего мира. Несмотря на представленность этой темы в русскоязычной литературе¹, всё ещё остаётся множество вопросов, требующих бережного герменевтического осмысления. На наш взгляд, данный исторический феномен нельзя трактовать лишь с биографической точки зрения. Анализируя тексты обоих авторов, а также учитывая факт их близкого знакомства, дружбы семей², невозможно не задать мыслью об изоморфизме философских взглядов двух гениев, чьи работы и по сей день не потеряли своей бесконечной эвристической притягательности и до сих пор сохраняют статус гуманитарной загадки XX столетия. «Жизненные ситуации обоих мыслителей, берущие начало в витебские годы, вызывают удивление своими совпадениями. Именно Витебск подарил Малевичу наиболее стойких и верных единомышленников, сохранивших преданность учителю до последних дней; в свою очередь, то сообщество, что вошло в историю под названием «бахтинский круг», зародившись в невельские дни, настоящую почву для укрепления и развития обрело также в Витебске» [23, с. 26–27].

По мнению исследователя творчества Каземира Малевича, его внучатого племянника, минского профессора Игоря Александровича Малевича, в период раннесоветской власти именно Витебск в революционные годы «загадочным образом становился центром притяжения талантливых людей. Духовный ренессанс Витебска распространял свое влияние и на революцию ... Здесь рождался центр новой философии живописи и интеллектуального труда» [13, с. 75].

Ранние – белорусские – тексты М. М. Бахтина («Невельский» – «Искусство и ответственность» (1918), а

также «Витебский» – «К философии поступка» – годы создания 1919–1920) – самые главные философские творения автора, его (по словам самого Бахтина) «философская антропология». *Белорусские тексты* К. С. Малевича («Бог не скинут», Издательство «Уновис», Витебск, 1922; «Супрематизм как беспредметность или вечный покой», написано в Витебске, 1922) также отличаются *предельной философичностью*, к которой ни первый (из упомянутых), ни второй автор более в своих теоретических работах не возвращались. Таким образом, можно утверждать, что «философский предел» обоими мыслителями был достигнут в Витебске, на белорусской земле.

Философские работы М. М. Бахтина архитектурны (известен его термин «высший архитектурный принцип бытия» [3, с. 66]), они *супрематически белые, прозрачные*, «просквозают» (опять же термин автора) себя световыми лучами высшего сверценностного смысла³. *Образность* бахтинского мышления позволяет глубоко приникнуть в суть философских размышлений / переживаний автора на вышеуказанные темы, *прочувствовать* вместе с ним личностную насыщенность бытия. Бытие Бахтина не просто лично, оно чрезвычайно красиво (эстетично), оно участно (этично), инициативно благодаря своим фундаментальным личностным свойствам. Философия раннего Бахтина есть философия ответственной личности как новой субстанциональности, особая нематериальная, *беспредметная* субъектность как таковая, не замыкающаяся на себе самой, но центрирующая в себе своё ценностное отношение к бытию, лишь в себе определяющая свою жизненную (социально-направленную) позицию.

Очевидны и чрезвычайно суггестивны художественность и эстетизм текстов М. М. Бахтина. Они могут восприниматься

¹ Журнал «Диалог, Карнавал, хронотоп». Издавался с 1992 до 2018 г. Последний номер был посвящен памяти бессменного издателя журнала Панькову Николаю Алексеевичу.

² Малевич руководит народным педагогическим училищем, организовал УНОВИС (художественная организация «Утвердители нового искусства»); Бахтин преподаёт в витебской консерватории и пединституте.

³ Необходимо удерживать в поле герменевтического исследования тот факт, что Бахтин изначально вступил в философию как философ-художник, как философствующий об искусстве и вокруг искусства мыслитель.

как философские антропологические сочинения, с законченным смысловым итогом, а также как избыточно смысловые, т. е. не философские, но семиотически символические, художественные, кинестетические, педагогически воспитательные произведения, без излишней монологической назидательности. В текстах Бахтина всегда *вненаходимо присутствует* Бахтин. Не как автор, а как часть произведения, как центр композиции, её совесть и честь, её судья и оратор. Право имеющий. Он эстетически видит Философские смыслы, он также эстетически их подаёт. Истинная эстетика всегда онтологична и в связи с этим своим качеством, всегда нравственна. Бахтин – срединная нравственность, с опорой лишь только на источник этой нравственности. По Бахтину, Личность есть генератор и судья этой нравственности одновременно – перед самой собой, перед Другим, перед Жизнью, перед Бытием, перед Абсолютом, в конце концов. Не перед Богом, ибо Бог – в Личности, не в бытии.

Философия Бахтина есть по своей форме философия обучающая, растолковывающая человеку его самого, его личность. Это – философский художественный диалог с учеником: воспитательный тон, воспитывающий текст, излучающий добро, чрезвычайно терпеливый, повторяющий одну и ту же тему необходимости ответственно отношения к себе и себя в этом мире [17].

По-малевичевски относится Бахтин и к арсеналу художественных средств прошлого. «Я приступаю к творчеству, – говорит исследователь М. Л. Гаспаров от имени философа, – но все орудия уже были в употреблении, они захватаны и поношены, они – наследие проклятого прошлого, пользоваться ими неприятно, а обойтись без них невозможно. Поэтому я прежде всего должен разобраться в них ... Задача творчества – выложить свою мысль из чужих унаследованных слов» [5, с. 34].

Слово – единица нового (словесного, литературного) бытия Бахтина; цвет – единица нового (художественного) бытия у Малевича [20, с. 340]. «Картина требует

уже не эстетического переживания, а понимания того, что она стремится проникнуть в самую суть бытия ... Новая картина приобретает некое собственное *соответствие* (курсив мой – Ю. К.) окружающей реальности, некое внутреннее значение. Она превращается в объект «подлинной реальности», самостоятельный «организм»... Отсюда рама авангардной картины полностью подчиняется её внутренней структуре. Отсутствие же какой-бы то ни было рамы может обнажать смысл картины как "самой реальности" и "сущности" ...» [20, с. 340]. Белый Квадрат Малевича и «К философии поступка» – принципиально *необрамленные* произведения супрематического выхода из *ничто*, художественный и совестный меон нулевой точки социальности [8, с. 8].

«К философии поступка» как философское произведение, также не имеет своей «рамы-обрамления»: не имеет (случайно / принципиально?) начала (многоточие стоит в начале рукописи, найденной в столе писателя и частично скуренной рабочими, по утверждению исследователя К. Г. Исупова) и не имеет (сущностно) авторского конца (троеточие стоит и в конце рукописи). Удивителен своей смысловой (бахтинской) законченностью тот факт, что, несмотря на фактическую неполноту работы, Бахтин никогда впредь не возвращался к этому произведению, считая его принципиально завершённым своей текстологической *вненаходимостью*, извечным «замедлением» над субъектом.

Хронотоп «Витебского времени»: Супрематизм у Бахтина и *вненаходимость* у Малевича

Супрематизм Бахтина и Малевича есть «Белый квадрат на белом» как символ *вненаходимости автора Бытия*, т. е. сам процесс *исчезновения* личности в едином теле поступающего нравственного человечества. Личностью у отныне становится человечество. Творчество обоих авторов есть чистый хрестоматийный космизм в самом его исходе, в самом начинании, ког-

да личность ещё не распрощалась со своей индивидуальной душой, но находится на пути к этому миру чистой творимой действительной коллективной социальной реальности, творимой не ею, но *всеми*. Символ Веры и иконопись есть обнуление времён топоса субъекта Витебского времени. Философия личности в 1920-е гг. есть философия исповедальная, есть мысль на пороге «страшного суда» исторического бытия, перед лицом которого каждая личность единственна и ответственна лишь своим собственным поступком в бытии [4].

«К философии поступка» есть, таким образом, акт философского, этического моления перед бытием, клятвенная ответственность перед ним, глас одинокой ответствующей личности молящегося (опыт Блаженного Августина и его «Исповеди»). Работа же «Белый квадрат» написана в технике обратной перспективы, а именно, изнутри самого личностного бытия, из его единственно возможной точки – личностного поступка. Бытие стягивается в единой точке возможного своего существования, каждый раз – в ответственном поступании личности согласно своему нравственному плану, задающей, в свою очередь, каждый раз новый *тон* бытию. Малевич портретировал «религиозное бессознательное» (М. Н. Эпштейн) – архетипическое – в русской культуре эпохи исчезновения / перерождения¹. Период символизации форм 1920–1930 гг. лежит как раз в определенной «точке / тире» социальной бифуркации [18], кодифицированной художественной, шире, творческой реальности. *Обратная перспектива* есть, таким образом, гносеологический и онтологический приём в трудах Бахтина и Малевича периода «Витебского времени» (по терминологии И. А. Малевича).

¹ Здесь пользуемся исключительно дуальными терминами, которые только и способны портретировать бытие того исторического периода – единственно возможное к использованию средство портретирования бытия 1920–1930-х гг. как в сущности трансгрессивного и одновременно исчезающе-нарождающегося.

Философский космизм Малевича как преодоление персонализма Бахтина

Философские смыслы бахтинских текстов назидательны, транспарантны, плакатны, риторически поданы («самозванный смысл», «не-алиби в бытии» – освоенный и присвоенный перифраз – дань стилистике революционной эпохи). Вопреки принятому в филологических кругах конвенциональному «академическому отношению / определению» [5], позволим себе утверждать, что «ранний» Бахтин «невельского и витебского времён», *в философском плане*, «не принадлежит» эпохе символизма и «постсимволизма». Представляется, что именно в точке *обнуления времён* (особый топос субъекта – существование в моменте революционного изменения) его раннее философское творчество *соотносимо* с авангардизмом по своему живописному стилю и тону, по глубине смыслового разлома отечественной антропологической традиции. Хронологическая позиция «ранней» (и «единственной») философии М. М. Бахтина, таким образом, *внеаходима*, всецело принадлежит уникальному топосу пореволюционного «Витебского времени» как особого культурного феномена. «Витебское время» есть месторазвитие – *ХРОНОТОП* – отечественной культуры нового социального бытия (1917–1922 гг. – исторический период становления Российской Советской Республики).

Малевич «витебского времени» видел мир беспредметным. Он отказывает материи как субстанции в вещиности, призывая принимать мир очеловеченным. Он разбирает прежний мир вещей на составные части (так называемые архитектонны), осуществляя его новую сборку на иных парадигмальных основаниях – на основе наличия «человека творящего» в бытии. Для Малевича больше нет мира вещей и мира людей. Есть их космическое единство, в котором человек есть постигающая и творящая это единство основа [21]. Философ считал, что своей супрематической живописной работой – *Белым квадратом* (на белом фоне) «им был достигнут "абсолют-

ный нуль"» [14, с. 8], т. е. нулевая степень нуля, в которой, как известно из классического определения этого феномена, любая функция имеет *неустрашимый разрыв*. Выход за пределы нулевой степени бытия [8] обеспечивается особой эвристической оптикой, а именно оптикой мнимостей и обратной перспективы – некоей эвристической аксонометрии (по П. Флоренскому, соответствующей правилу *разлома* пространства и выворачивания тела через самого себя [22, с. 53]). Исследователь О. В. Тарасов отмечает, что в этот момент «происходит прорыв за пределы возможностей человека. Появляясь убежденность, что новый образ улавливает (как икона) визуальную реальность ноумена. Поэтому картина требует уже не эстетического переживания, а понимания того, что она стремится проникнуть в самую суть бытия и видимой материальной субстанции» [20, с. 340].

Такой картиной и был Белый квадрат.

Космичность философских взглядов Малевича, его стремление объять мыслью деперсонализированную Вселенную, в полной мере ощущались Бахтиным, одним из инициаторов «поворота к человеку», выдающимся представителем философской антропологии XX в. [23, с. 26–27]. У Малевича, в его философии, нет предмета, т. е. нет принципиально статики, но есть динамика: форма и действие, т. е. деяние переустройства, устройства с нуля [7]. И если Бахтин – это четвертое измерение бытия – исключённого четвертого (по воображаемой логике Н. А. Васильева [2]), то Малевич есть его пятое измерение. Это уже человечество во вселенной, преодолевшее личность в акте выхода за пределы своего бытия в верности своему времени и «зову будущего» [16].

Пресловутая же неуспешность *художественных* потенций авангарда [15, с. 200–201] объясняется, на наш взгляд, неуспешностью самих исследователей при попытке выйти за рамки привычной тропности традиционно понимаемого искусства и *позволить себе* иную оптику в оценке живописных и иных проявлений

художественности в *длящийся* момент обнуления бытия, в точке его исчезновения / появления. Авангард как искусство *бифуркационное* именно в бытийственном отношении есть портрет трансгрессии бытия в *конечно-начальной* точке его слома и *исчезновения-нарождения*. «Обнуление бытия» предполагало обнуление парадигмы в самом фундаментальном значении этого термина, когда обнуляются все смыслы бытия, но остаются его носители. DaSein стало вопросом исключительно личностным, исключительно *усилием* человеческой воли к его демонтажу и вновь конструированию. Бытие уже не имело более объективного смысла в точке своей бифуркации, но *предполагало* здесь-бытие как синоним чистой человеческой экзистенции.

Заключение

Представляется, что Бахтин и Малевич в своём творчестве пореволюционного периода находятся по разные стороны точки бифуркации в бытии: самоочевидны *ещё*-личностная субстанциональность у Бахтина и *уже*-вселенское (космическое) человечество у Малевича [9]. Иеротопические свойства Белого Квадрата, равно как и «К философии поступка», определяют эти произведения как супрематический вид квази-религиозного личностно-христианского, жертвенного искусства, полагающего себя, по определению, в аскетичной («минималистичной») форме.

Пред-авангардистская картина мира у М. Бахтина, основанная на личностной парадигме, именно в периоде исторического авангарда (К. Малевич) Витебского периода теряет свою приоритетную, доминантную позицию, «ломается» в *своё коллективное*, уступая появлению нового организующего антропологического принципа, основанного на сущностно новом концепте Человека как существа природно-космического, своего рода «*субъекта – человечества*» [12, с. 52]. В связи с этим именно в космизме, по мнению А. Г. Гачевой, «духовно-душевная работа

личности идет параллельно с трансформацией смертного и страстного естества человека, а изменение социума – с регуляцией стихийных природных сил» [6, с. 541]. Недаром исследователь В. С. Манин (правда, не без негативных коннотаций) говорит на страницах своей работы о «несовместимости реального художественного творчества и его почти повсеместной «мнимости» [15, с. 50], считает, что непременно «Следует обратить внимание на ускоренный процесс "разматывания" искусства, доведения его до абсурда...» [15, с. 230].

Авангардистская картина мира, до предела обнажая амбивалентную -индивидуально-соборную-природу лично-

сти, свидетельствует о её перерождении в антиномию (по внелогичному сценарию обнуления смыслов и превращения их в архаичный абсурд), впоследствии – в своё другое, т. е. в коллективизм как такой. «Бог не скинут» и «К философии поступка» есть, таким образом, самая ранняя философская саморефлексия революционного ответственного *вновь-бытия*, исчерпавшая себя с окончанием этой исторической эпохи. Но «витебское время сделало свое великое дело» [13, с. 75], оставив нам «в наследство» один из самых захватывающих сюжетов мировой гуманитаристики Большого времени под названием «Малевич и Бахтин».

Статья поступила в редакцию 26.11.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверьянов В. В. Крытый крест. Традиционализм в авангарде. М.: Книжный мир, 2015. 608 с.
2. Бажанов В. А. Н. А. Васильев и его воображаемая логика. Воскрешение одной забытой идеи. М.: Канон +, 2009. 240 с.
3. Бахтин М. М. К философии поступка. Работы 20-х годов. Киев: Next, 1994. 384 с.
4. Бонецкая Н. К. Бахтин глазами метафизика. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 560 с.
5. Гаспаров М. Л. М. М. Бахтин в русской культуре // М. М. Бахтин: pro et contra. Творчество и наследие М.М. Бахтина в контексте мировой культуры. Т. II. / сост. К. Г. Исупов. СПб.: РХГИ, 2002. С. 34.
6. Гачева А. Г., Семенова С. Г. Русский космизм // Русская философия: энциклопедия / под общ. ред. М. А. Маслина. 2-е изд. М.: Книжный Клуб Книговек, 2014. С. 540–542.
7. Горячева Т. В. Теория и практика русского авангарда: Казимир Малевич и его школа. М.: АСТ, 2020. 240 с.
8. Джакомо Ди. Дж. Малевич: живопись и философия от абстракционизма до минимализма. СПб.: Алетейя, 2018. 246 с.
9. Колесниченко Ю. В. Личность в русской философии: биография идеи. М.: Энциклопедист-Максимум, 2018. 416 с.
10. Колмаков В. Ю. Черный квадрат – красный код революции // Черный квадрат: культура и революция / отв. ред. В. Ю. Колмаков. Красноярск, 2017. 212 с.
11. Кудрявцева Е. Л. Казимир Малевич: метаморфозы «Черного квадрата». М.: Новое литературное обозрение, 2017. 416 с.
12. Сознание как категория материалистической диалектики / М. Л. Лезгина, Б. В. Марков, Ю. М. Шилков. Л.: Изд-во ленинградского университета, 1989. 168 с.
13. Малевич И. А. Казимир Малевич. Восхождение на крест судьбы. Минск: Харвест, 2012. 256 с.
14. Малевич К. С. Бог не скинут. Искусство, церковь, фабрика // Малевич К. С. Собр. соч. в 5 т. Т. 1. Статьи, манифесты, теоретические сочинения и другие работы. 1913—1929 / общ. ред., вступит. ст., сост., подг. текстов, комм. А. С. Шатских. М.: Гилея, 1995. С. 236–266.
15. Манин В. С. Неискусство как искусство. СПб.: Аврора, 2006. 271 с.
16. Рыков А. В. Политика авангарда. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 208 с.
17. Соломадин И. М., Курганов С. Ю. Нетипичный Бахтин. Педагогические идеи Бахтина и формирование письменной речи школьников // Диалог, карнавал, хронотоп. 2001. № 2. С. 177–191.
18. Схейен Ш. Авангардисты: Русская революция в искусстве. 1917–1935. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2019. 512 с.
19. Тамарченко Н. Д. Бахтин // Новый филологический вестник. 2011. № 4 (19). С. 7–18.

20. Тарасов О. Ю. Рама и образ: Риторика обрамления в русском искусстве. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 447 с.
21. Философия русского авангарда / под ред. Н. Н. Ростовской. М.: РГ-Пресс, 2019. 128 с.
22. Флоренский П. А. Мнимости в геометрии. Расширение области двухмерных образов геометрии (Опыт нового истолкования мнимостей). М.: Поморье, 1922. 70 с.
23. Шатских А. С. Событие встречи. Бахтин и Малевич // Диалог. Карнавал. Хронотоп, 1995. № 3. С. 16–33.

REFERENCES

1. Aver'yanov V. V. *Krytyi krest. Traditsionalizm v avangarde* [The roofed cross. Traditionalism at the forefront]. Moscow, Knizhnyi mir Publ., 2015. 608 p.
2. Bazhanov V. A. N. A. *Vasil'ev i ego voobrazhaemaya logika. Voskreshenie odnoi zabytoi idei* [N. Vasiliev and his imaginary logic. The resurrection of the forgotten idea]. Moscow, Kanon + Publ., 2009. 240 p.
3. Bakhtin M. M. *K filosofii postupka. Raboty 20kh godov* [On the philosophy of action. Works of the 20^s]. Kiev, Next Publ., 1994. 384 p.
4. Bonetskaya N. K. *Bakhtin glazami metafizika* [Bakhtin through the eyes of a metaphysician]. Moscow, St Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2016. 560 p.
5. Gasparov M. L. [M. Bakhtin in Russian Culture]. In: Isupov K. G., comp. *M. M. Bakhtin: pro et contra. Tvorchestvo i nasledie M. M. Bakhtina v kontekste mirovoi kul'tury. T. II* [M. Bakhtin: pro et contra. Creativity and heritage of M Bakhtin in the context of world culture. Vol. II. Comp. K G. Isupov]. St. Petersburg, Russian Christian Academy for the Humanities, 2002, pp. 34.
6. Gacheva A. G., Semenova S. G. [Russian cosmism]. In: Maslin M. A., ed. *Russkaya filosofiya* [Russian philosophy] Moscow, Knizhnyi Klub Knigovek Publ., 2014, pp. 540–542.
7. Goryacheva T. V. *Teoriya i praktika russkogo avangarda: Kazimir Malevich i ego shkola* [Theory and practice of the Russian avant-garde: Kazimir Malevich and his school]. Moscow, AST Publ., 2020. 240 p.
8. Giacomo Di. G. *Malevich: zhivopis' i filosofiya ot abstraksionizma do minimalizma* [Malevich: painting and philosophy from abstraction to minimalism]. St. Petersburg., Aleteiya Publ., 2018. 246 p.
9. Kolesnichenko Yu. V. *Lichnost' v russkoi filosofii: biografiya idei* [Personality in Russian Philosophy: Biography of the Idea]. Moscow, Encyclopedist-Maximum Publ., 2018. 416 p.
10. Kolmakov V. Yu. [The Black square. Red revolution code]. In: *Cherniy kvadrat, kul'tura i revolyutsiya* [Black square, Culture and Revolution]. Krasnoyarsk, 2017. 212 p.
11. Kudryavtseva E. L. *Kazimir Malevich: metamorfozy «CHernogo kvadrata»* [Kazimir Malevich: metamorphoses of the “Black Square”]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 416 p.
12. Lezgina M. L., Markov B. V., Shilkov Yu. M. *Soznanie kak kategoriya materialisticheskoi dialektiki*. [Consciousness as a category of materialistic dialectics]. Leningrad, Leningradsky university Publishing House, 1989. 168 p.
13. Malevich I. A. *Kazimir Malevich. Voskhozhdenie na krest sud'by* [Kazimir Malevich. Climbing the cross of fate]. Minsk, Kharvest Publ., 2012. 256 p.
14. Malevich K. S. [God will not be overthrown. Art, church, factory]. In: Malevich K. S. *Sobr. Soch. T. 1. Stat'i, manifesty, teoreticheskie sochineniya i drugie raboty. 1913—1929* [Collected works. Vol. 1. Articles, manifestos, theoretical essays and other works. 1913–1929]. Moscow, Gilea, 1995, pp. 236–266.
15. Manin V. S. *Neiskusstvo kak iskusstvo* [Non-art as art]. St Petersburg, Avrora Publ., 2006. 271 p.
16. Rykov A. V. *Politika avangarda* [Avant-garde politics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 208 p.
17. Solomadin I. M., Kurganov S. Yu. [Atypical Bakhtin. Bakhtin's pedagogical ideas and the formation of written speech of schoolchildren]. In: *Dialog, karnaval, khronotop* [Dialogue, carnival, chronotope], 2001, no. 2, pp. 177–191.
18. Skheien Sh. *Avangardisty: Russkaya revolyutsiya v iskusstve. 1917* [Avant-garde: The Russian Revolution in Art. 1917]. Moscow, KoLibri, Azbuka-Attikus Publ., 2019. 512 p.
19. Tamarchenko N. D. [Bakhtin]. In: *Novyi filologicheskii vestnik* [New philological bulletin], 2011, no. 4 (19), pp. 7–18.
20. Tarasov O. Yu. *Rama i obraz: Ritorika obramleniya v rusском iskusstve* [Frame and Image: Rhetoric of Framing in Russian Art]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2006. 447 p.
21. Rostova N. N., ed. *Filosofiya russkogo avangarda* [Philosophy of the Russian avant-garde]. Moscow, RG-Press Publ., 2019. 128 p.

22. Florenskiy P. A. *Mnimosti v geometrii. Rasshirenie oblasti dvukhmernykh obrazov geometrii (Opyt novogo istolkovaniya mnimosti)* [Imaginations in geometry. Expanding the area of two-dimensional images of geometry (Experience of a new interpretation of imaginary)]. Moscow, Pomor'e Publ., 1922. 70 p.
23. Shatskikh A. S. [Meeting event. Bakhtin and Malevich]. In: *Dialog. Karnaval. Khronotop* [Dialogue. Carnival. Chronotope], 1995, no. 3, pp. 16–33.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесниченко Юлия Викторовна – доктор философских наук, профессор Московского государственного областного университета;
e-mail: julikol@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia V. Kolesnichenko – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Moscow State Regional University;
e-mail: julikol@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колесниченко Ю. В. Личность и ответственность в нулевой точке бытия. «Витебское время» М. М. Бахтина и К. С. Малевича // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 4. С. 55–63.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-55-63

FOR CITATION

Kolesnichenko Yu. V. Personality and Responsibility at the Zero Point of Being. “Vitebsk time” M. M. Bakhtin and K. S. Malevich. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2020, no. 4, pp. 55–63.
DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-55-63